

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

UDC 355.4

LBC 63.3(2)62

Submitted: 17.09.2024

Accepted: 18.12.2024

BETWEEN BATTLE AND EVERYDAY LIFE: FEMALE PARTICIPANTS OF THE PARTISAN MOVEMENT OF THE SMOLENSK REGION IN EGO DOCUMENTS OF THE 1940s

Ksenia V. Sak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the extreme conditions of occupation, several thousand women of the Smolensk region took part in the Resistance movement. The experience of their joining partisan detachments, adaptation, and participation in the “nationwide struggle” is an integral part of the problem of the functioning of society in war conditions. *Methods and materials.* The boundaries of women’s possibilities in the partisan movement are considered based on ego-documents: transcripts of 1943 conversations of the Mintz Commission and memoirs of 1947. Prosopographical methods are used. *Analysis and results.* Social practices of women in the partisan movement of the Smolensk region were carried out within the boundaries between traditional household responsibilities and masculine combat activity. The patriarchal structure of closed partisan communities was expressed in the distribution of responsibilities, attitude to weapons, and sexual relations. Most women in the detachments were bearers of traditional values and did not oppose discrimination by the command. The most active female partisans could prove themselves in the “male territory” – in reconnaissance and combat operations. Their weapons skills placed them on a higher level of the internal social hierarchy in the unit. Female partisans highly valued their contribution to the Resistance, regardless of specific practices. Male partisans had ambiguous attitudes towards their “combat girlfriends.” Their texts mention female fighters, scouts, and nurses less often, and, occasionally, those who were engaged in housework. With limited access to weapons and unofficial obstacles to combat service, women received awards less often than men. The closed societies of partisan units retained features of the pre-war social order, significantly transformed by the extreme conditions of the occupation. The range of social practices of female partisans included both patriarchal roles and practices free from gender inequality.

Key words: Great Patriotic War, partisan movement, gender studies, military everyday life, Mintz Commission.

Citation. Sak K. V. Between Battle and Everyday Life: Female Participants of the Partisan Movement of the Smolensk Region in Ego Documents of the 1940s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 229-240. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

УДК 355.4

ББК 63.3(2)62

Дата поступления статьи: 17.09.2024

Дата принятия статьи: 18.12.2024

МЕЖДУ БИТВОЙ И БЫТОМ: УЧАСТНИЦЫ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1940-х ГОДОВ

Ксения Васильевна Сак

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В экстремальных условиях оккупации несколько тысяч женщин Смоленщины приняли участие в движении Сопротивления. Специфика их деятельности в партизанских отрядах является составной частью проблемы функционирования социума в условиях войны. *Методы и материалы.* Границы возможностей женщин в партизанском движении рассматриваются на основе эго-документов: стенограмм бесед 1943 г. Комиссии Минца (НА ИРИ РАН) и воспоминаний 1947 г. (ГАНИСО). Используются просопографические методы. *Анализ и результаты.* Социальные практики женщин в партизанском движении Смоленщины осуществлялись в границах между традиционными хозяйственными обязанностями и маскулинной

боевой деятельностью. Патриархальный уклад закрытых партизанских сообществ выражался в распределении обязанностей, отношении к оружию, половых связях. Большинство женщин в отрядах были носительницами традиционных ценностей и не выступали против дискриминации со стороны командования. Наиболее активные партизанки могли проявить себя на «мужской территории» – в разведке и на боевых операциях. Навыки владения оружием ставили их на более высокую ступень внутренней социальной иерархии в отряде. Партизанки высоко оценивали свой вклад в Сопротивление, независимо от конкретных практик. Партизан-мужчины относились к «боевым подругам» неоднозначно. В их текстах упоминаются женщины-бойцы, разведчицы, реже – медсестры, единично – те, кто был занят хозяйством. При ограниченном доступе к оружию и негласных препятствиях к боевой службе женщины реже получали награды, чем мужчины. Закрытые общества партизанских отрядов сохраняли черты довоенного социального порядка, существенно трансформированные экстремальными условиями оккупации. Спектр социальных практик партизанок включал в себя как патриархальные роли, так и практики, свободные от гендерного неравенства.

Ключевые слова: Великая Отечественная войны, партизанское движение, гендерные исследования, военная повседневность, Комиссия Минца.

Цитирование. Сак К. В. Между битвой и бытом: участницы партизанского движения Смоленской области в эго-документах 1940-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 229–240. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

Введение. Стремительная оккупация советских территорий в начальный период Великой Отечественной войны привела к резкому разрушению социальных институтов и трансформации повседневности. С точки зрения Советского государства, для мирных граждан на захваченных территориях единственной приемлемой стратегией выживания была борьба с противником в рамках движения Сопротивления. Она должна была стать все-народной, что предполагало равноправное участие в ней мужчин и женщин. Символическим подтверждением этому служили истории героической гибели партизанок Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной, первых женщин, получивших посмертно звание Героя Советского Союза.

Однако повседневная жизнь «народных мстителей» отличалась от стереотипных образов официальной пропаганды. Боевые операции и диверсии в действительности занимали меньшую часть партизанских будней. В отношении партизанок это утверждение тем более справедливо, поскольку они реже и далеко не все принимали участие в вооруженной борьбе с противником. Чаще женщины в партизанских отрядах занимались сбором разведывательных сведений об оккупантах и коллаборационистах и решали хозяйственно-бытовые проблемы. Цель статьи состоит в том, чтобы определить рамки возможностей женщин в партизанском движении через призму их личного опыта и восприятия.

Методы и материалы. В советской историографии практики женского сопротивления рассматривались в контексте героизма и патриотизма, преданности коммунистической идее [15; 17; 18]. В этой связи в центре внимания находились женщины, состоявшие в комсомоле или партии, которые вели вооруженную борьбу с противником и получили за это высокие правительственные награды. Мотивы партизанок объяснялись представлениями о долге и советским патриотизмом. Отношения между мужчинами и женщинами в отрядах исследователи характеризовали исключительно как товарищеские. Героизация партизанского движения, ставшая важной частью советской политики памяти о Великой Отечественной войне, привела к тому, что целый ряд тем не нашел должного освещения. В контексте женской истории это касалось, прежде всего, проблем гендерной дискриминации. В современной отечественной историографии основное внимание уделяется организации движения и эффективности его деятельности, упоминается и о том, что женщины также участвовали в Сопротивлении [14; 21; 22]. Однако гендерные аспекты советского партизанского движения, несмотря на наличие ряда работ [1; 11; 12; 16; 19; 20], остаются недостаточно изученными.

В зарубежной историографии периода холодной войны партизанское движение получило штамп неэффективного, преобладало изучение его непарадной истории, в основном

на немецких документах. В ставшей классической коллективной монографии американских историков под редакцией Дж. Армстронга, вышедшей в 1964 г., говорится, что женщина в партизанском отряде – «одна из привилегий, наряду с пистолетом Наган» [40, р. 43]. На сегодняшний день исследовательский ландшафт западной историографии усложнился. Ставятся вопросы о том, было ли участие женщин в Сопротивлении результатом довоенной социальной политики Советского государства или оно являлось ответом на экстремальные условия войны. Также исследователей интересует, в какой степени этот феномен отражал процессы эмансипации, как выстраивалась и функционировала иерархия женщин в отрядах, какую роль сыграл женский опыт партизанской борьбы в представлении советского общества о женщинах [35; 37–39; 41].

По утверждению Дж. Фюрст, повседневность женщин в партизанских отрядах отражала «реальность обычной жизни в экстраординарных условиях» [39, р. 39–40]. Данный тезис в статье апробирован на основе эго-документов партизан Смоленской области – места активного партизанского движения на оккупированной территории РСФСР: записей бесед 1943 г., сделанных членами Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1943 г. (хранятся в Научном архиве Института российской истории РАН), и воспоминаний, собранных, вероятно, по распоряжению обкома комсомола Смоленской области в 1947 г. (хранятся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области). Интервью и воспоминания записывали не рядовые партизанки, а те, кто внес особый вклад в борьбу с оккупантами и получил за это государственные награды, поэтому эти данные не могут быть экстраполированы на всех участниц партизанской борьбы на Смоленщине. Однако они дают возможность рассмотреть женскую повседневность в партизанском движении с позиции его участниц и через их субъективность приблизиться к пониманию положения женщин на войне. Многие из этих источников впервые вводятся в научный оборот [34]. Воссоздать коллективный портрет партизанок, дифференцировать виды их деятельности, границы возможнос-

тей и восприятие социального порядка в отрядах позволяют методы просопографии.

Анализ. В движении Сопротивления на оккупированной территории СССР участвовало около 93 тыс. женщин, что составляло от 6 до 16 %, в зависимости от региона [20, с. 68]. Оккупация первых районов Смоленской области началась в июле 1941 г. и продолжалась до начала октября 1943 года. Численность мирного населения составила 1 850 тыс. чел.: женщины – 41 %, мужчины – 22 %, дети до 14 лет – 37 %. Около 9 % присоединилось к движению Сопротивления [13, с. 862]. На территории Смоленской области действовало 120 партизанских отрядов, включавших в себя до 60 тыс. чел. [14, с. 53], однако неизвестно, сколько среди них было женщин. По данным отрядов «Родина» и «За Родину» – около 10 % [6, л. 11–11 об.; 36, л. 1].

Способы ухода женщин в партизанские отряды различались по обстоятельствам принятия решения и мотивам, однако решающую роль играли социальные связи. Первыми к Сопротивлению присоединились девушки и женщины, состоявшие в комсомоле и в партии, для которых существовала тесная взаимосвязь между их решением и довоенной деятельностью в советских общественных организациях. Они слышали о Директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об организации сопротивления в прифронтовых областях, обнародованной 29 июня 1941 года. Некоторые из них знали места заранее заготовленных партизанских баз и с началом оккупации ушли в лес [3, л. 4 об.]. Однако большинство советских активисток оказались дезориентированы: выполняя задания по эвакуации или рытью окопов, они потеряли связь с руководством. Часть ответственных за партизанскую борьбу работников спешно эвакуировалась в советский тыл. Из тех, кто остался, по словам партизанок, нельзя было понять, кто выберет путь сопротивления, а кто – конформизма [4, л. 65 об.].

Некоторые женщины этой категории пытались перейти линию фронта и найти представителей своих райкомов или обкомов. Именно такой путь проделала будущая партизанка и инструктор по тылу обкома ВЛКСМ Ксения Щербакова-Калинкина. Когда началась война, она, будучи секретарем Духовщинского райкома ВЛКСМ, руководила работами

по созданию оборонительных сооружений. Во время бомбежки девушка позвонила в райком комсомола и узнала, что все руководство уже выехало: «Я не верила, что нас бросили на произвол судьбы, не верилось, что люди могли уехать, не предупредив нас» [4, л. 4 об.]. После этого она приняла решение вместе с подругой выйти в тыл Красной армии. Через неделю они нашли обком комсомола, однако никаких внятных указаний о дальнейших действиях не получили. Они попытались пройти к Москве, но не смогли: «Больше всего меня смущало то, что я не знала задач и содержания работы в тылу врага. До оккупации об этом никто не говорил, никто ничего мне не сказал и тогда, когда я была в Вязьме» [4, л. 9]. Оказавшись в своей родной деревне, Щербакова-Калинкина занималась помощью бежавшим военнопленным, пока к ней не пришли окруженцы, организовавшие партизанский отряд, и не стали посылать ее на задания [4, л. 14 об.].

Другим способом попадания в партизанские отряды были личные связи женщин с родственниками или мужчинами, близкими к их семьям, которые знали партизан. При этом в интервью встречаются примеры как добровольного, так и вынужденного вступления в отряды [7, л. 2]. Никаких предпочтений при этом партизанки не получали. Показательна история беспартийной Анастасии Фомченковой. Она не эвакуировалась в тыл из-за того, что надеялась найти пропавшего 13-летнего сына. В отряд «За Родину» ее позвал брат, который чуть позже стал секретарем Ярцевского райкома ВКП(б) и комиссаром отряда. Фомченков предупредил сестру, что если она откажется, «то он на месте ее пристрелит», видимо, опасаясь, что она может стать источником информации для оккупантов [2, л. 1].

По мере затягивания войны и ужесточения оккупационного режима приток женщин в партизанские отряды продолжался. В подавляющем большинстве это были сельские жительницы, для которых определяющим фактором ухода в лес стало желание выжить. Наибольшей опасности в таких условиях подвергались члены семей «народных мстителей» или так называемые помощники партизан — те, кто жил в деревнях и передавал сведения о противнике, снабжал продуктами, чи-

стой одеждой, но в партизанских отрядах формально не состоял. В партизанских отрядах также могли спастись еврейки от преследований оккупантов по национальному признаку [30, л. 5 об.; 35].

Во время отправки молодежи на принудительные работы в Германию или в период карательных операций против партизан население близлежащих деревень скрывалось в лесу и, находясь там, нередко попадало под покровительство партизанских отрядов. В Холм-Жирковском районе партизаны организовали, охраняли и обеспечивали питанием несколько лагерей для гражданского населения, причем некоторые из них были исключительно женские. В ответ женщины помогали партизанам в работе [24, л. 9 об.]. Также, спасаясь от преследований оккупантов и «угона в рабство», в партизанские отряды переходили из городов подпольщицы и связные [5, л. 98 об.].

Среди причин ухода в партизанские отряды могли быть и личные симпатии девушек к бойцам. Например, начальник штаба бригады отряда «Бати» П.И. Соколов рассказывал о девушке Марии Марковой, которая стала участвовать в жизни отряда, так как имела на него «некоторые виды»: «Я ей сказал, что если ты хочешь быть действительно другом партизана, то ты должна нам помогать, ходить в разведку и т. д., и она ходила» [25, л. 22]. Личные симпатии, однако, не отменяли героизма девушек, которые, рискуя жизнью, добывали нужные партизанам сведения. В дальнейшем в отрядах возник такой феномен, как партизанские семьи, когда жены и взрослые дочери уходили в лес к мужьям и отцам и занимались их обслуживанием или работали «в дружине» [28, л. 16]. Такие участницы партизанского движения, как правило, были носительницами традиционных взглядов на женскую роль в обществе, что подкрепляло патриархальность партизанской жизни.

По мере продвижения Красной армии и отступления вермахта в партизанские отряды стали приходить женщины, ранее работавшие на оккупантов. По своим мотивам они не представляли собой единую группу. Среди них могли быть как те, кто еще во время работы на немцев собирал ценные сведения для партизан, так и те, кто приспособившись к

изменившейся ситуации. Некоторые сотрудники оккупационных учреждений переходили на сторону партизан под угрозами самих «народных мстителей». Именно о таком случае с медсестрой немецкого госпиталя Костюковой рассказал уже упоминавшийся Соколов: «Я говорю, мы тебя прихлопнем, – тогда, говорит, возьмите меня в партизанский отряд» [25, л. 31]. В то же время известны случаи, когда местные жительницы приходили в партизанские отряды с целью шпионажа в пользу оккупантов [25, л. 114].

Как показывают рассказы партизанок, существенным фактором, тормозившим их уход в отряд, была угроза жизни членов их семей, в особенности детей. Материнство и ответственность за родителей нередко перевешивали желание реализовать себя на «мужской территории» партизанской борьбы [24, л. 4]. Особенно это касалось матерей новорожденных. Лишь изредка партизанки, принимавшие полноценное участие в жизни отряда, находились в лесу со своими детьми – в интервью встречается только один случай проживания вместе с матерью 10-летней девочки, которая служила ей прикрытием во время разведки [33, л. 25]. В период карательных операций против партизан и окружения, когда вопрос о выживании стоял наиболее остро, ребенок мог стать причиной, по которой женщин не принимали в отряды [23, л. 13]. Поэтому помощницы, как правило, из партизанских деревень уходили в лес, оставляя своих малолетних детей родственникам.

Однако самым распространенным мотивом отказа в приеме женщин в отряд были сложные бытовые условия. С точки зрения некоторых командиров, женский организм и психика не могли приспособиться к условиям жизни в лесу. Многие партизанки рассказывали о периодах, когда в отряде полностью отсутствовала еда, и особенно отмечали крайне тяжелые условия выживания – многодневные переходы – во время карательных операций и окружений. Играло свою роль и психологическое напряжение от жизни среди малоизвестных людей, ожидание нападения со стороны карателей, гибель подруг и друзей. В особо экстремальных ситуациях «малоустойчивых» девушек, по словам одного комиссара, приходилось отпускать

домой [31, л. 18 об. – 19], что создавало дополнительную угрозу для отряда в случае их задержания и допросов.

Неохотно в партизанские отряды принимали пожилых женщин. По этой причине многие из них оказывали помощь партизанам у себя в деревнях, время от времени по мере необходимости приходя на места партизанских стоянок [29, л. 4 об.].

Все партизанские отряды представляли собой закрытые сообщества, несмотря на то что они различались по способу организации и контроля со стороны советских институций. Вследствие численного преобладания в них мужчин происходило закрепление традиционной модели поведения и патриархального порядка как стабилизирующего механизма. Системообразующим элементом выступал командир, который при условии выполнения боевых задач был относительно свободен от приказаний «сверху» в установлении внутреннего порядка в своем отряде [39]. Практики женского сопротивления во многом зависели от его личностных установок, что нередко приводило к гендерному неравенству. Представительницы эмансипированного поколения 1920–1930-х гг. вдохновлялись феминистскими образами советской пропаганды и представляли свое участие в боевых действиях, но в большинстве случаев их отправляли работать на кухню, стирать, шить, ухаживать за ранеными. Со временем можно было подняться на более высокую ступень иерархии и ходить в разведку, и только избранные становились бойцами.

Анастасия Фомченкова, сестра комиссара отряда «Родина», изначально проживала в деревне и занималась передачей сведений об оккупантах, но с уходом в лес ее перевели на кухню. Условия работы были крайне тяжелыми, так как готовить нужно было практически на 150 человек, и вскоре она стала проситься в разведку: «На все мои просьбы брат отвечал: “Бог труды любит”. Я хотела перейти даже в другой отряд, чтобы как-нибудь уйти от котла» [2, л. 7–7 об.]. Однако были случаи, когда при определенной настойчивости партизанка могла добиться желаемого. Так, Надежда Ковалева из отряда «За Родину» до войны была председателем сельсовета и претендовала на равное с мужчинами участие в парти-

занской борьбе. Она выразила командиру протест, сказав, что ей не место на кухне и что она хочет участвовать в боевых операциях, и после этого ее включили в состав группы по уничтожению немецкой связи [10, л. 7]. Впоследствии она героически погибла. Ковалева не была исключением, и некоторые женщины, пройдя проверку хозяйством, переходили в разряд бойцов. По выражению начальника штаба партизанского отряда «Бати» Л.В. Громова, такие женщины «несли все тяготы службы простого бойца-партизана» [25, л. 6].

Существенное влияние на характер участия женщин в партизанских отрядах оказывало время года и интенсивность боевых операций. Зимой партизаны были менее активны в борьбе с противником, поэтому женщин, которые ранее ходили в разведку или воевали, отправляли на хозяйственные работы. Упоминаний о том, что делали в это время мужчины, в интервью практически не встречается. Мужчины, выполнявшие «женские» обязанности, были исключением [5, л. 105 об.]. В период же карательных операций против партизан или диверсий, женщин «снимали» с хозяйства и чаще отправляли в разведку или поручали им уход за ранеными. Так партизанки получали в отрядах навыки медсестер и санитарок, спасая жизни своих боевых товарищей в условиях острого дефицита перевязочных материалов, медикаментов и обезболивающих средств [26, л. 12].

Отдельным направлением деятельности женщин в Сопротивлении была агентурная работа в оккупационных структурах [10, л. 8 об.]. Чаще всего в этом контексте в интервью упоминаются санитарки и медсестры из немецких госпиталей. Они по заданию партизан могли давать находившимся на лечении военнослужащим вермахта не те лекарства, а главное – выносить из больниц и направлять через связных в отряды средства лечения [10, л. 8]. Также некоторые переводчицы передавали сведения партизанам о дислокации войск или планах карательных операций [28, л. 14]. Их статус при этом относился скорее к помощницам, чем к партизанкам [2, л. 72]. В единичных случаях партизанки получали задание вступить с представителями оккупационной администрации в любовную связь [3, л. 1 об.].

Наибольшей свободой действий в партизанских отрядах пользовались вышедшие из окружения женщины-военнослужащие Красной армии, преимущественно медсестры [26, л. 11], гражданки, которые прошли специальную военную подготовку в советском тылу и направлялись в отряды из Москвы на выполнение спецзаданий [24, л. 21], и комсомольские активистки, которые оказывались в оккупированных районах по заданию ЦК ВЛКСМ и имели соответствующие документы [2, л. 12]. Они выполняли в отрядах те функции, к которым были изначально подготовлены, и в меньшей степени зависели от командиров, чем остальные партизанки.

Ни одна партизанка за время войны на Смоленщине не стала командиром партизанского отряда, однако некоторые руководящие должности были им все-таки доступны, особенно тем, кто имел отношение к партии или комсомолу. Они могли возглавлять женские группы разведчиц и связных [9, л. 15]. Наиболее выдающиеся партизанки из партийных входили в штаб командования [33]. Женщины нередко становились секретарями комсомольской организации отрядов, что давало им определенные полномочия. Они занимались приемом в комсомол, проводили агитационные и воспитательные беседы, выступали на партийных собраниях и даже могли публично критиковать командиров. Так, лектор обкома ВКП(б) партизанка полка «13» Мария Боровикова отчитывала на партсобрании комиссаров батальонов после неудачного боя с немцами. Она их осудила за отсутствие политической работы, «бытовое разложение», «пьянки» и «женитьбы», так как это приводило к нарушению дисциплины. В конце выступления она потребовала привлечь виновных к ответственности [9, л. 11 об. – 12]. Примечательно, что в полку даже проходили суды над партизанами, на которых судьей выступала женщина – «некто Дуся, бывшая судья Гжатского района» [9, л. 11].

«Боевым крещением» для женщин, как и для мужчин, считалось убийство врага. В то же время в отрядах могло действовать негласное ограничение на доступ женщин к оружию. Это соответствовало характерному для традиционного общества представлению об оружии как маркере мужественности. Возможность и

умение им пользоваться ставили партизанок на более высокое место в иерархии отряда, приближая к статусу мужчин. В этом контексте в выгодной ситуации оказывались партизанки-бойцы. В самом невыгодном положении были партизанки, задействованные на хозяйственных работах, так как многие из них оружия не имели либо не умели им пользоваться. Разведчицы могли применять оружие, но целенаправленно посылались на задания без него, чтобы не вызывать подозрений. Так, партизанка отряда «Родина» Л.А. Ермолинская рассказывала о попытке выйти из окружения: «Мужчины шли вооруженные, а мы нет, и поэтому они нас направляли вперед, и это нам казалось очень обидным. Ведь идешь вперед очень напряженно, каждый шелест травы, колыхание кустика волнует и пугает, как присутствие врага, настораживает, готовишься к тому, что сейчас тебе навстречу выйдет немец» [8, л. 30]. Причем девушек особенно часто посылали в разведку именно тогда, когда по деревням «свиристствовали немцы» [27, л. 1 об.], хотя разведчицы далеко не всегда имели должную подготовку и поэтому выдавали себя [25, л. 21].

Патриархальный уклад жизни партизан должен был подразумевать мужскую опеку над женщинами, однако это было не всегда так. Во время нападения оккупантов на лагерь женщины порой оказывались без мужской помощи. В интервью упоминаются случаи, когда в попытке выйти из окружения бойцы уходили, оставляя партизанок одних, или партизанки отставали от своего отряда и самостоятельно выбирались из леса, то теряя, то встречая товарищей [32, л. 2]. Другую опасность для партизанок, особенно для ходивших по деревням разведчиц, представляли «народные мстители», перешедшие на сторону врага. Они могли работать в полиции, выдавать партизанок и свидетельствовать против них при их задержании. Сдерживающим фактором для таких предателей выступала угроза расправы. Разведчица отряда «Родина» Лидия Ермолинская рассказывала, что партизан ее оставил прямо во время выполнения задания: «Мать Жени мне прямо сказала, что он в отряд не пойдет, так как жить при немцах хорошо. Видя, что дело плохо, я прямо сказала Жене, что если он меня выдаст, то все равно ни ему, ни матери

жизни не будет, партизаны за меня отплатят» [8, л. 24].

Экстремальные условия выживания в тылу противника приводили к тому, что убийства предателей становились для участниц сопротивления социальной нормой. Нелояльные к советской власти женщины чаще всего доносили на «народных мстителей», причем в воспоминаниях приводится случай, когда группу партизанок выдала сестра одной из них [2, л. 65 об.]. Некоторые партизанки лично присутствовали при расстреле шпионов или жен коллаборационистов, давали свое устное согласие на их уничтожение [26, л. 4]. Партизанка полка им. XXIV годовщины РККА Анна Значкова рассказывала о колхознице, подосланной предателем-старостой: «Ей обещали, что в случае, если она принесет хорошие сведения, то они выдадут ее дочь за немца, дадут корову, поросенка и лошадь. <...> Конечно, мечты старухи не сбылись, пришлось ее расстрелять» [33, л. 25]. В период отступления вермахта женщины, державшие с партизанами связь из районных центров, передавали им данные о коллаборационистах. Так, в Усвятах партизаны по сведениям связных за одну ночь выловили около 30 предателей, о дальнейшей судьбе которых в интервью ничего не было сказано [29, л. 4].

В то же время, несмотря на атмосферу жестокости в условиях войны на уничтожение, женщины в партизанских отрядах олицетворяли собой и мирную жизнь. Это выражалось в досуговых практиках, когда партизанки устраивали праздники, давали театральные представления, пели песни и танцевали. Главным мотивом в коллективных песнях было прославление боевых и разведывательных действий, совершенных как мужчинами, так и женщинами. Так, в отряде «За Родину» партизаны сочинили песню на мотив «Катюши» про Катю-разведчицу, которая получила орден: «Враг звереет, силы собирает, / Хочет заживо Катюшу съесть... / Глупый фриц – совсем не понимает, / Что таких Катюш уж тысячи есть!» [4, л. 37]. Совместный отдых укреплял связь внутри партизанской общности, несмотря на внутренние противоречия, давал возможность почувствовать себя одной семьей [39, р. 51].

Партизанки высоко оценивали свой вклад в борьбу с противником, считали его важным и

значимым. Женщины, дававшие интервью и оставившие воспоминания, выделяли девушек-бойцов и разведчиц, особенно трагически погибших, но при этом не преуменьшали роли тех, кто обеспечивал каждодневную бытовую жизнь отряда, включая помощниц. Боровикова, после войны ставшая заведующей Институтом марксизма-ленинизма при Смоленском горкоме ВКП(б), в 1947 г. размышляла: «В большинстве деревень оставались только женщины. Невольно встает такой вопрос: что было бы лучше – женщина с винтовкой в руках, ведущая вооруженную борьбу с немцами, или женщина, оказывающая помощь партизанскому отряду хлебом и другими продуктами? Трудно даже сравнивать, так как хлеб для нас являлся основой, наиболее значительной помощью в борьбе с врагом, которую проводил полк» [9, л. 33 об. – 34].

Однако партизаны, как правило, оставались подвержены гендерным стереотипам. Они отдавали должное тем, кто воевал и ходил в разведку, хотя во время интервью не всегда могли вспомнить их имена. Снисходительное отношение к женским практикам проявлялось в вопросах о награждении: командование представляло к наградам тех партизанок, которые участвовали в боях или отличились в разведке, и лишь в редких случаях тех, которые обслуживали отряд, поддерживая тем самым его боеспособность. Характерно в этом отношении высказывание секретаря И.Н. Петракова: «Все жизненные неудобства, – все же они девушки, женщины жили в кругу мужчин, – они переносили и боевые задания выполняли, в разведку ходили, делали длинные походы за продуктами, по 70–80 км в сутки делали. Если мужчины пошли в поход, они работают на кухне, несут караульную службу. У нас их было всего 6 человек. Когда придем из похода, они ухаживают за нами. Или постирать белье, носовой платок сделать, из парашюта белье сшить, – все это лежало на обязанности женщин. *Из шести девушек, которые у нас были до последнего момента, три представлены к правительственной награде.* И они вполне заслужили эту правительственную награду» (курсив наш. – К. С.) [31, л. 19 об.].

Женщин считали основными виновницами появления в отрядах романтических отношений и могли исключить за непристойное

поведение [25, л. 99]. Для сравнения, партизан-мужчин наказывали в случае грубого нарушения дисциплины, мародерства или изнасилования (в отличие от женщин, которых отправляли домой, мужчин чаще расстреливали) [5, л. 105]. Командир одного из взводов отряда «Батя», в прошлом – лейтенант РККА М.Н. Николаев рассказывал, что он вместе с политруком проводил с бойцами воспитательные беседы о том, что «с девушкой нужно себя вести тактично и относиться к ней как к боевому товарищу, а не как к какой-то ухажерке» [25, л. 99]. Партизанки, дававшие интервью, осуждали симпатии бойцов к девушкам и даже расценивали это как проявление неуважения [8, л. 37]. По словам секретаря комсомола Татьяны Ивановой, «нужно было завоевать себе авторитет, чтобы ребята тебя считали настоящим партизаном» [25, л. 88]. Примечательно, что причину такого отношения она видела не столько в поведении самих девушек, сколько в позиции командира отряда [25, л. 87]. Именно командиры, как правило, вступали в половые отношения с партизанками.

Идентичность женщин в партизанских отрядах зависела от многих факторов: возраста, уровня образования и эмансипации, матримонильных планов и в целом от представлений женщин о своем предназначении. Поскольку в партизанских отрядах были собраны разные женщины – от членов партии до безграмотных колхозниц, то и их восприятие различалось. Большинство женщин, пришедших в отряды из деревень (их количество едва ли когда-нибудь можно будет установить, в особенности не комсомолок и не членов партии), были носительницами традиционных представлений о разделении ролей между мужчинами и женщинами. Доминирование командира соответствовало их представлениям о месте женщины в социуме и не вызывало протеста. Вместе с тем партизанский уклад был для них не нормой, а условием выживания. В экстремальных обстоятельствах оккупации и сопротивления они не были уверены, что вернутся к мирной жизни, смогут реализовать свое материнское предназначение [9, л. 31 об.].

После освобождения Смоленской области наиболее активные партизанки по иници-

ативе ЦК ВЛКСМ были вызваны в Москву, где выступали на митингах и давали интервью. Они должны были продемонстрировать всему миру, что женщина в Советском Союзе имеет равные возможности с мужчинами в борьбе с фашистами. Предварительно девушек привели в порядок – «одежи, вымыли, дали ботинки и еще кое-что» – и проинструктировали, о чем можно говорить, а о чем нельзя [2, л. 77–78]. Уже тогда партизанки старались публично не рассказывать о непарадной стороне «всенародной борьбы» и акцентировали внимание на ее героических страницах [2, л. 37]. После возвращения на малую родину, по словам подпольщицы Е. Агельяровой, тесно связанной с партизанским полком «13», участницы Сопrotивления не получили общественного внимания и признания: «Никто не сказал ни в Обкоме, ни в Горкоме комсомола, ни в Обкоме партии, никто не спросил, как мы работали в подполье, как будто бы мы не существовали» [5, л. 138].

Результаты. По мнению некоторых исследователей, в основе женской повседневности в Сопrotивлении лежали довоенные порядки – гендерный сценарий совмещения обязанностей работницы и жены / матери, который лишь отчасти, преимущественно в среде комсомолок, носил на себе следы эмансипации 1920–1930-х гг. [38, р. 409; 39, р. 74–75]. В этом смысле социальные практики партизанок в целом не вышли за довоенные рамки. Однако индивидуальный опыт участниц партизанского движения Смоленщины показывает, что ответ на вопрос, было ли для них выживание в оккупации «реальностью обычной жизни в экстраординарных условиях», неоднозначный. Ни одна из партизанок, дававших интервью во время войны или оставивших свои воспоминания сразу после нее, не описывала свой опыт в партизанском движении с позиции уклада, характерного для довоенного времени. Ситуация неопределенности, частая смена деятельности от традиционной бытовой до маскулинной боевой, угроза мучительной насильственной смерти, неопределенность будущего, – все это принципиально отличало повседневную жизнь женщин в движении Сопrotивления. Женщины действовали в ограниченных стереотипами рамках, усиленными военной спецификой, однако получили возмож-

ность реализовать свои устремления и умения на традиционно «мужской территории». Повседневность партизанок включала в себя как патриархальные роли, так и практики, свободные от гендерного неравенства. Впоследствии опыт участия в партизанском движении для некоторых образованных и наиболее активных женщин послужил социальным лифтом. Остальные женщины придерживались традиционных ролей, однако их содержание было существенно трансформировано экстремальными условиями оккупации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 28–36.
2. Воспоминания Фомченковой А.И. (1941–1943 гг.) // Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 363. 81 л.
3. Воспоминания Ивановой В.А. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 282. 40 л.
4. Воспоминания Щербаковой-Калинкиной К.С. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 359. 84 л.
5. Воспоминания секретаря горкома ВЛКСМ Агельяровой // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. 307. 138 л.
6. Воспоминания о Ярцевских партизанах // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 361. 246 л.
7. Воспоминания Лазаренковой А.П. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 429. 10 л.
8. Воспоминания Ермолинской Л.А. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 276. 50 л.
9. Воспоминания Боровиковой М.И., Семенов Е.С. // ГАНИСО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 51. 57 л.
10. Докладная записка Гостюхиной П.А. // Научный архив Института российской истории Российской академии наук (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 в. 13 л.
11. Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). В 3 т. Т. 2. М.; Старый Оскол: ИЭА РАН: СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. 247 с.
12. Каменева Г. Н. Нравственные уроки Великой Отечественной: женщины Северного Кавказа в партизанском движении региона // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 2. С. 1–9.
13. Комаров Д. Е. К вопросу о масштабах коллаборационизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. На материалах Смоленской области // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 856–866.

14. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 368 с.

15. Корнеев А. М. Молодые партизаны Смоленщины. Смоленск: Кн. изд-во, 1958. 102 с.

16. Коровин В. В., Манжосов А. Н., Немцев А. Д., Пожидаева Н. Н. Твой путь я разделю, как верная подруга... (Женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941–1945 гг.). Курск: Кур. гор. тип., 2006. 132 с.

17. Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск, 1941–1945. М.: Изд-во МГУ, 1985. 128 с.

18. Муромцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.

19. Николаева И. В. Женский состав партизанских формирований Беларуси в 1941–1944 гг.: социально-демографическая характеристика // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 106–112.

20. Петрова Н. К. Женские судьбы войны. М.: Вече, 2019. 432 с.

21. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М.: Яуза Эксмо, 2009. 444 с.

22. Попов А. Ю. Соппротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Алгоритм, 2016. 304 с.

23. Стенограмма бесед с партизанами Усвятского района // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 20 а. 75 л.

24. Стенограмма бесед с партизанами Холм-Жирковского района // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 23 а. 25 л.

25. Стенограмма бесед с членами партизанского отряда «Бати» // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 25 а. 126 л.

26. Стенограмма беседы, проведенной с Фомченковым И.И. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 а. 20 л.

27. Стенограмма беседы с Москалевым С.П. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 г. 8 л.

28. Стенограмма беседы с Шматовым П.К. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 11а. 23 л.

29. Стенограмма беседы с М.А. Ермолаевым // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 22 а. 5 л.

30. Стенограмма беседы с Мокуровым В.Ф. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 д. 9 л.

31. Стенограмма беседы с Петраковым И.Н. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 1а. 54 л.

32. Стенограмма беседы с Р.М. Альтшулер // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 к. 3 л.

33. Стенограммы воспоминаний Значковой А.Т. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 215. 58 л.

34. Тарасенкова Т. И. Деятельность партизанского соединения «Дедушка» на оккупированной

территории Смоленской области // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2023. С. 126–132.

35. Тэк Н. У партизан: судьбы женщин // Женщины на краю Европы. Минск: Европ. гуманит. ун-т: Центр гендер. исслед., 2003. С. 168–187.

36. Характеристика на Сычевский партизанский отряд «Родина» // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 21 б. 2 л.

37. Cerovic M. War Wives: Women, Marriage, and the Soviet Partisan Movement (1941–44) // The Russian Review. 2024. P. 1–13. DOI: 10.1111/russ.12660

38. David-Fox M. Kul'turnost' Meets Kultur: Lyusya's Testimony on Russian-German Sexual Relations in Occupied Smolensk // The Russian Review, 2023. Vol. 82, № 3. P. 401–418. DOI: 10.1111/russ.12489

39. Furst J. Heroes, Lovers, Victims: Partisan Girls During the Great Fatheland War // Minerva: Quarterly Report on Women and the Military. 2000. Vol. 18, № 3-4. P. 38–75.

40. Soviet Partisans in World War II / ed. by J. A. Armstrong. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. 792 p.

41. Slepian K. Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 409 p.

REFERENCES

1. Bolokina L.A. Zhenshchiny okkupirovannykh raionov Kalininskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Women of the Occupied Areas of the Kalinin Region During the Great Patriotic War]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2015, no. 2 (75), pp. 28–36.

2. Vospominaniya Fomchenkovoy A.I. (1941–1943 gg.) [Memories of Fomchenkova A.I. (1941–1943)]. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti (daleye – GANISO)* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 363. 81 l.

3. Vospominaniia Ivanovoi V.A. [Memories of Ivanova V.A.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 282. 40 l.

4. Vospominaniia Shcherbakovoi-Kalinkinoi K.S. [Memories of Shcherbakova-Kalinkina K.S.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 359. 84 l.

5. Vospominaniia komsomolskii rabotnikov [Memories of Komsomol workers]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 307. 138 l.

6. Vospominaniia o Iartsevskikh partizan [Memories of the Yartsevo partisans]. *GANISO* [State

Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 361. 246 l.

7. Vospominaniia Lazarenkovo A.P. [Memories of Lazarenkova A.P.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 429. 101.

8. Vospominaniia Ermolinskoi L. A. [Memories of Ermolinskaya L.A.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 276. 501.

9. Vospominaniia Borovikovo M.I., Semenovoi E.S. [Memories of Borovikova M.I., Semenova E.S.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-1737, inv. 1, d. 51. 57 l.

10. Dokladnaia zapiska Gostiukhinoi P.A. [Report of Gostiukhina P.A.]. *Nauchnyi arkhiv Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi Akademii nauk (daleye – NA IRI RAN)* [Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 v. 13 l.

11. *Zhenshchiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez voyn i voennykh konfliktov: (K 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine). V 3 t. T. 2* [Women and the Women's Movement for a World Without Wars and Military Conflicts (On the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War). In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Stary Oskol, IEA RAN, STI NITU «MISiS», 2015. 247 p.

12. Kameneva G.N. *Nravstvennye uroki Velikoi Otechestvennoi: zhenshchiny Severnogo Kavkaza v partizanskom dvizhenii regiona* [Moral Lessons of the Great Patriotic War: Women of the North Caucasus in the Partisan Movement of the Region]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanitarian Research], 2009, no. 2, pp. 1-9.

13. Komarov D.E. *K voprosu o masshtabakh kollaboratsionizma v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Na materialakh Smolenskoï oblasti* [On the Scale of Collaborationism in the Great Patriotic War of 1941–1945. Based on Materials from the Smolensk Region]. *Vestnik arkhivista* [Archivist's Bulletin], 2018, no. 3, pp. 856-866.

14. Komarov D.E. *Smolenskaia oblast v ogne Velikoi Otechestvennoi: voina, narod, pobeda* [Smolensk Region in the Flames of the Great Patriotic War: War, People, and Victory]. Smolensk, Svitok Publ., 2015. 368 p.

15. Korneev A.M. *Molodye partizany Smolenshchiny* [Young Partisans of the Smolensk Region]. Smolensk, Kn. izd-vo, 1958. 102 p.

16. Korovin V.V., Manzhosov A.N., Nemtsev A.D., Pozhidaeva N.N. *Tvoi put ia razdeliu, kak vernaia podругa...: (Zhenshchiny Kurskoï oblasti v Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soiuza i dobrovolcheskikh voenizirovannykh formirovaniakh v 1941–1945 gg.)* [I Will Share Your Path as a Faithful

Friend ... (Women of the Kursk Region in the Armed Forces of the Soviet Union and Volunteer Paramilitary Formations in 1941–1945)]. Kursk, Kur. gor. tip., 2006. 132 p.

17. Logunova T.A. *Sovetskaia istoriografiia narodnoi borby v tylu nemetsko-fashistskikh voisk, 1941–1945* [Soviet Historiography of the People's Struggle in the Rear of the German-Fascist Troops, 1941–1945]. Moscow, Izd-vo MGU, 1985. 128 p.

18. Muromtseva V.S. *Sovetskie zhenshchiny v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet Women in the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 272 p.

19. Nikolaeva I.V. *Zhenskii sostav partizanskikh formirovaniy Belarusi v 1941–1944 gg.: sotsialno-demograficheskaia kharakteristika* [Female Composition of Partisan Formations in Belarus in 1941–1944: Socio-Demographic Characteristics]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* [Scientific Notes of the UO VSU Named After P. M. Masherov], 2010, vol. 9, pp. 106-112.

20. Petrova N.K. *Zhenskie sudby voiny* [Women's Destinies of War]. Moscow, Veche Publ., 2019. 432 p.

21. Poliakov V.E. *Strashnaia pravda o Velikoi Otechestvennoi. Partizany bez grifa «Sekretno»* [Terrible Truth About the Great Patriotic War. Partisans Without the "Secret" Stamp]. Moscow, Iauza Eksmo Publ., 2009. 444 p.

22. Popov A.Iu. *Soprotivlenie na okkupirovannoi sovetskoi territorii (1941–1944 gg.)* [Resistance in the Occupied Soviet Territory (1941–1944)]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 304 p.

23. Stenogramma besed s partizanami Usviatskogo raiona [Transcript of Conversations with Partisans of the Usvyatsky District]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 20 a. 75 l.

24. Stenogramma besed s partizanami Kholm-Zhirkovskogo raiona [Transcript of Conversations with Partisans of the Kholm-Zhirkovsky District]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 23 a. 25 l.

25. Stenogramma besed s chlenami partizanskogo otriada «Bati» [Transcript of Conversations with Members of the Partisan Detachment "Bati"]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 25 a. 126 l.

26. Stenogramma besedy s Fomchenkovym I.I. [Transcript of a Conversation Held with Fomchenkov I.I.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 a. 20 l.

27. Stenogramma besedy s Moskalevym S.P. [Transcript of the Conversation with Moskalev S.P.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 g. 8 l.

28. Stenogramma besedy s Shmatkovym P.K. [Transcript of a Conversation with P.K. Shmatkov]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. 2, inv. 2, d. 11a. 23 l.

29. Stenogramma besedy s M.A. Ermolaevym [Transcript of a conversation with M.A. Ermolaev]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 22 a. 5 l.

30. Stenogramma besedy s Mokurovym V.F. [Transcript of Conversation with Mokurov V.F.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 d. 9 l.
31. Stenogramma besedy s Petrakovym I.N. [Transcript of a Conversation with Petrakov I.N.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 1 a. 54 l.
32. Stenogramma besedy s R.M. Altshuler [Transcript of Conversation with R.M. Altshuler]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 k. 3 l.
33. Stenogrammy vospominanii Znachkovo A.T. [Transcripts of Memories of Znachkova A.T.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 215. 58 l.
34. Tarasenkova T.I. Deiatelnost partizanskogo soedineniia «Dedushka» na okkupirovannoi territorii Smolenskoï oblasti [Activities of the Partisan Unit “Dedushka” in the Occupied Territory of the Smolensk Region]. *Edinstvo fronta i tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Unity of the Front and Rear During the Great Patriotic War]. Smolensk, Svitok Publ., 2023, pp. 126-132.
35. Tek N. U partizan: sudby zhenshchin [Among the Partisans: Fates of Women]. *Zhenshchiny na kraiu Evropy* [Women on the Edge of Europe]. Minsk, Yevrop. gumanit. un-t, Tsentr gender. issled., 2003, pp. 168-187.
36. Kharakteristika na Sychevskii partizanskii otriad «Rodina» [Characteristics of the Sychevsky Partisan Detachment “Rodina”]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 21 b. 2 l.
37. Cerovic M. War Wives: Women, Marriage, and the Soviet Partisan Movement (1941–44). *The Russian Review*, 2024, pp. 1-13. DOI: 10.1111/russ.12660
38. David-Fox M. Kulturnost Meets Kultur: Lyusya’s Testimony on Russian-German Sexual Relations in Occupied Smolensk. *The Russian Review*, 2023, vol. 82, no. 3, pp. 401-418. DOI: 10.1111/russ.12489
39. Furst J. Heroes, Lovers, and Victims: Partisan Girls During the Great Fatheland War. *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*, 2000, vol. 18, no. 3-4, pp. 38-75.
40. Armstrong J.A., ed. *Soviet Partisans in World War II*. Madison, University of Wisconsin Press, 1964. 792 p.
41. Slepyan K. *Stalin’s Guerrillas: Soviet Partisans in World War II*. Lawrence, University Press of Kansas, 2006. 409 p.

Information About the Author

Ksenia V. Sak, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, ksenia.sak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3029-9464>

Информация об авторе

Ксения Васильевна Сак, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, ksenia.sak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3029-9464>